

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**ЭПОХА БРОНЗЫ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК
Материалы круглого стола «Древности Нижнего
Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского
могильника»**

**№ 2
2019**

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А.Г. Ситдииков

Ответственный редакторы:

канд. ист. наук С.В. Кузьминых, канд. ист. наук А.А. Чижевский

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова**Редакционный совет:**

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Кирюшин Ю.Ф.**, д.и.н. (Барнаул); **Ковтун И.В.** д.и.н. (Кемерово); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.**, д.и.н. (Оренбург); **Обыденнов М.Ф.**, д.и.н. (Уфа); **Очир-Горяева М.А.**, д.и.н. (Казань); **Смирнов Н.Ю.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.**, к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.**, к.и.н. (Казань).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com<https://www.evrazstep.ru>

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "Роспечать"

Выход 6 раз в год

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

No 2 2019

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Candidate of Historical Sciences **Sergei V. Kuzminykh**,
candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocarui Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.**, Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Kiryushin Yuri F.** Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Kovtun Igor V.** Doctor of Historical Sciences (Kemerevo); **Koryakova Ludmila N.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuzminykh Sergei V.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.**, Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Obydenov Michael F.**, Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Ochir-Goryaeva Maria A.**, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Smirnov Nikolai Yu.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.**, Candidate of Historical Sciences, (Donetsk); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Древности эпохи поздней бронзы

Усачук А.Н. (<i>Донецк, Украина</i>), Бахшиев И.И. (<i>Уфа, Россия</i>) Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья	10
Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Морозов В.В. , Азаров Е.С. (<i>Москва, Россия</i>) Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межов- ской культур в Нижнем Прикамье	38
Чижевский А.А. , Лыганов А.В. (<i>Казань, Россия</i>), Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры	99
Чижевский А.А. , Галимова М.Ш. , Губайдуллина А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.)	124
Шипилов А.В. (<i>Казань, Россия</i>) Кузькинская XVII стоянка (атрибуция и хронология)	165

Проблемы изучения раннего железного века

Новиков А.В. (<i>Кострома, Россия</i>) Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов	179
Овсянников В.В. , Савельев Н.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Воинское святилище на Акбердинском II городище	201
Черных Е.М. (<i>Ижевск, Россия</i>) К 120-летию начала исследований Зуевского (Зуевоключевского I) могильника	227
Оруджов Э.И. (<i>Казань, Россия</i>), Глушков К.Н. (<i>Киров, Россия</i>) Чижевское (Марьин кокош- ник) городище. Итоги археологических исследований за 2017–2018 гг.	246
Перескоков М.Л. (<i>Пермь, Россия</i>) Ананьинский комплекс Мокинского поселения-могильника	259

История археологии

Воробьёва С.Л. (<i>Уфа, Россия</i>) Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований	268
Кузьминых С.В. (<i>Москва, Россия</i>) М.Г. Худяков: из неизданного при жизни	292
Резолюция по итогам заседания круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» г. Елабуга, 23–25 мая 2018 г.	306
Список сокращений	307

CONTENTS

Foreword	6
-----------------------	---

Antiquities of the Late Bronze Age

Usachuk A.N. (<i>Donetsk, Ukraine</i>), Bakhshiyev I.I. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Use of Domestic Animal Astragals in the Settlements of the Late Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals	10
Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Morozov V.V. , Azarov E.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Lugovskaya I and II Sites and the Issue of the Interaction of Cherkaskulskaya, Lugovaya and Mezhovskaya Cultures in the Lower Kama Region	38
Chizhevsky A.A. , Lyganov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Early (Atabaevo) Stage of Maklashevo Culture	99
Chizhevsky A.A. , Galimova M.Sh. , Gubaidullina A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kazanskaya Site (On the Basis of 1938 Study Materials)	124
Shipilov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Kuzkinskaya 17 Site (Attribution and Chronology)	165

Problems of Studying the Early Iron Age

Novikov A.V. (<i>Kostroma, Russian Federation</i>) Current Issues of Studying Early Iron Age Settlements in Eastern Area of the Upper Volga Basin (Kostroma and Ivanovo Volga Regions). Presentation of the Issues	179
Ovsyannikov V.V. , Savelyev N.S. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Military Sanctuary in Akberdino II Settlement	201
Chernykh E. M. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) 120th Anniversary of The Study of Zuevsky (Zuevoklyuchevsky I) Burial Ground	227
Orudzhov E.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>), Glushkov K.N. (<i>Kirov, Russian Federation</i>) “Chizhevskoye (Maryin Kokoshnik) Settlement”. Results of Archaeological Studies in 2017-2018	246
Pereskokov M.L. (<i>Perm, Russian Federation</i>) Ananyino Complex of Mokinsky Settlement and Burial Ground	259

History of Archaeology

Vorobyeva S.L. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Forest-Steppe Part of Southern Urals in Early Iron Period: history of studying the issue and research prospects	268
Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) M.G. Hudyakov: from unpublished during lifetime	292
Resolution following the results of a roundtable meeting "The Antiquities of the Lower Kama Region and the 160th Anniversary of the Archaeological Study of Ananyino Burial Mound", Elabuga, May 23-25, 2018.	306
List of Abbreviations	307

УДК 902/904

РАННИЙ (АТАБАЕВСКИЙ) ЭТАП МАКЛАШЕЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2019 г. А.А. Чижевский, А.В. Лыганов, С.В. Кузьминых

Маклашеевская культура завершает эпоху бронзы в Волжско-Камском регионе. Она возникает после распада андроновской культурно-исторической общности в результате трансформации луговской культуры. На раннем – атабаевском – этапе она распространяется в Среднем Поволжье, Нижнем и южной части Среднего Прикамья. Широкие полевые работы на памятниках атабаевского этапа позволили авторам дать подробную характеристику материальной культуры, показать вмещающий ландшафт и выявить планиграфию поселений. Несмотря на недостаточную изученность могильников, удалось реконструировать погребальный обряд, в основе которого были подкурганые погребения в скорченном или вытянутом на спине положении; среди погребального инвентаря – оружие, украшения, предметы быта и керамика. Хронология атабаевского этапа маклашеевской культуры основывается на аналогиях с опорой на предметы-хроноиндикаторы: кельты двуушковые и с лобным ушком, втульчатые тесла-долота, желобчатые височные подвески. Время существования атабаевского этапа определяется в пределах XIV–XIII вв. до н.э. Его развитие приходится на третий период Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции.

Ключевые слова: археология, Волго-Камье, поздний бронзовый век, атабаевский этап маклашеевской культуры, материальная культура, погребальный обряд, хронология.

Начало изучения маклашеевской культуры связано с раскопками Ананьинской дюны П.В. Алабиным и И.В. Шишкиным, когда при раскопках Ананьинского могильника были найдены керамика, двуушковые и одноушковые кельты, кельт с лобным ушком и другие находки (Алабин, 1860, с. 87–120), позднее выделенные в отдельный памятник – Ананьинскую стоянку (Уваров, 1881, № 168–170; Збруева, 1937, с. 104–109; Халиков, 1980, табл. 40; 46: 1, 4; 49: 1; Чижевский, 2013, с. 43).

На протяжении XIX – начала XX в. шел активный процесс накопления данных, производилась закупка находок у населения, осуществлялись полевые исследования поселений и могильников. Раскопки Маклашеевского 1 и 2 могильников П.А. Пономаревым (1882 и 1897 гг.) и А.Ф. Лихачевым (1886 г.) позволили зафиксировать погребальный обряд и выявить материальную культуру населения, оставившего эти памятники (Худяков, 1923, с. 83, 84; Chudjakov, 1926, s. 14–26; Халиков, 1980, № 470).

Отталкиваясь от данных этих и других исследований М.Г. Худяков в рукописи монографии «Маклашеевская культура», написанной в первой половине 1920-х гг., но так и неизданной¹, обосновывает выделение макла-

шеевской культуры. В первом варианте рукописи (1923 г.) эта культура рассматривалась как переходная от камня к металлу и одновременная фатьяновской культуре Средней России. Фактически в ее рамках исследователь объединял все те материалы, которые в 1950-е гг. А.Х. Халиков отнесет к приказанской культуре. Но часть древностей маклашеевской культуры (могильник Маклашеевка 2) М.Г. Худяков отнес к ранней стадии ананьинской культуры и датировал XI–IX вв. до н.э. (Худяков, 1920, с. 117–118; 1923; 1930; 1935)

Несколько позже к этой проблеме обратился А.В. Шмидт, который датировал маклашеевские некрополи 1200–1000 гг. до н.э. (Шмидт, 1935, с. 63–71).

В 1920–1950-е гг. работами В.Ф. Смолина, А.В. Збруевой, Е.И. Горюновой, Н.Ф. Калинина, Н.А. Прокошева, А.Х. Халикова, В.Ф. Генинга и др. были исследованы базовые поселения маклашеевской культуры как раннего атабаевского, так и позднего маклашеевского этапов (Смолин, 1933, с. 15–32; Горюнова, 1934, с. 173; Збруева, 1937, рис. 9: 1, 2, 7–9, 11, 12; 1941, с. 111; 1960, с. 22–33, 61–67; Калинин, 1948, рис. 4; Прокошев, 1949, с. 66, рис. 20; Калинин, Халиков, 1954, с. 11–34; Халиков, 1960; Генинг и др., 1962, табл. III, с. 9–11; Генинг, Старостин, 1972; Ашихмина, Генинг, 1977, с. 93–138; и др.).

Эти исследования позволили А.Х. Халикову выйти на ряд обобщений, касающихся

¹ Хранится в рабочем архиве А.М. Тальгрена в археологическом отделе Музейного ведомства Финляндии.

периодизации и хронологии, и сформулировать стройную концепцию позднего бронзового века Волго-Камья (Халиков, 1967; 1969, с. 240–329, рис. 55). Согласно этой концепции, автохтонная культура эпохи бронзы, названная приказанской, датировалась А.Х. Халиковым по аналогиям XVI–IX вв. до н.э.

Аналогичную работу по памятникам Среднего Прикамья проделал В.П. Денисов, выделивший ерзовскую культуру; некоторые памятники этой культуры также можно связать с маклашеевскими древностями (Денисов, 1967, с. 29–50).

Часть памятников маклашеевской культуры, расположенных в бассейне р. Белой, была отнесена К.В. Сальниковым к культуре курмантау; в дальнейшем он предложил перенести это название на все маклашеевские древности (Сальников, 1954, с. 15–24; 1967, с. 376–386).

В 1967 г., осознавая неоднородность объединенных в приказанскую культуру памятников, В.Ф. Генинг предложил для финала этой культуры ввести термин преданьинская культурно-историческая общность (Генинг, Совцова, 1967, с. 58–61).

В 1980–1990-е гг. разворачивается дискуссия о правомерности выделения приказанской культуры, её хронологии и культурного единства. Работы Н.Л. Членовой, В.А. Иванова, С.В. Кузьминых, Л.И. Ашихминой, позднее В.Н. Маркова, Б.С. Соловьева, М.Ф. Обыденнова способствовали ревизии концепции единой приказанской культуры и выделению самостоятельных луговской и маклашеевской культур (Членова, 1981, с. 21–36; Иванов, 1982, с. 53–55, 73; Кузьминых, 1982, с. 21, 22; Ашихмина, 1984, с. 45–188; Марков, 1996, с. 10, 11; Обыденнов, 1998, с. 43–72; Соловьев, 2000, с. 73–96, 134–149). Памятники наиболее раннего – займищенского – этапа рассматриваются в настоящее время как отдельный культурный тип (Лыганов, 2014).

Происхождение маклашеевской культуры связано с кругом автохтонных культур Волго-Уралья и Западной Сибири (их еще называют «андроноидными»), которые, начиная со второй четверти II тыс. до н.э., были частью огромного андроновского мира, заимствуя орнаментальные традиции в украшении глиняной посуды и характерные типы металлические изделия. Носителями андроновских традиций на территории Волго-Камья были луговская, а в Приуралье – черкаскульская

культуры. В середине II тыс. до н.э., вероятно, под влиянием природно-климатического фактора происходит трансформация этих культур, упрощается орнамент на керамике, на венчике или шейке сосудов появляются валики.

Распад культур андроновского мира привел к возникновению маклашеевской культуры на западе (рис. 1: 1) и межовской – на востоке (рис. 1: 2) (Обыденнов, 1998, С. 42; Колев, 2000, с. 250; Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 23). Объединяет их наличие валиковой керамики, однако орнаментальные мотивы отличаются. Для атабаевской (раннемаклашеевской) керамики характерен ямочный орнамент по шейке, иногда в сочетании с горизонтальной «елочкой»; для межовской – отсутствие ямок и вертикальная «елочка». Остальные орнаментальные мотивы могут присутствовать на керамике обеих культур, но, как правило, межовский орнамент более богат, чем атабаевский. Впрочем, уже к рубежу II–I тыс. до н.э. формы и декор атабаевской и межовской керамики сближаются и приобретают близкие черты, характерные для маклашеевского керамического комплекса; на территории Башкирского Приуралья такую керамику часто относят к культуре курмантау.

Большую близость с атабаевской имеет керамика памятников атабаевско-кайбельского типа (рис. 1: 3), расположенных в Самарском и Ульяновском Поволжье (Колев, 2000, с. 250, 251, рис. 284–286).

Памятники Посурья и Помокшанья с керамикой аким-сергеевского типа также тяготеют к атабаевским (рис. 1: 4) (Ставицкий, 2008, С. 200–201, рис. 263–271), однако, в отличие от собственно атабаевских, межовских и атабаевско-кайбельских, в финале бронзового века их сменяет не маклашеевские, а текстильные древности (Ставицкий, 2008, с. 205); последнее, с учетом некоторого отличия в орнаментации от остальных культур атабаевского круга, может указывать на их различный генезис.

Ареал маклашеевской культуры охватывает поймы крупнейших рек Восточной Европы: Волги с притоками (Свияга и Сок) – на севере от рр. Цивиль и Большая Кокшага и на юге до Самарской Луки (то есть в географических границах Среднего Поволжья) и Камы – от р. Чусовой до камского устья, включая притоки Белую и Вятку (рис. 2). Согласно данным географического районирования, эти

территории относятся к Нижнему и южной части Среднего Прикамья.

В Среднем Поволжье носители маклашеевской культуры занимали территории на стыке бореальной и суббореальной ландшафтных зон: в Марийском, Нижегородском и частично Казанском Поволжье – подтаежную ландшафтную подзону; в Казанском, Марийском, Нижегородском и частично Ульяновском Поволжье – широколиственно-лесную ландшафтную подзону, постепенно переходящую в Казанском, Ульяновском и Самарском Поволжье в лесостепную ландшафтную подзону (Мильков, 1953, с. 202; Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989; Дедков, 1978, с. 73–93; 2008, с. 401–406, рис. 141; Ермолаев и др., 2007).

В Прикамье носители маклашеевской культуры также располагались на стыке ландшафтных зон. В Нижнем Прикамье и в бассейне р. Белой (вплоть до г. Уфа по левому берегу) они занимали территории лесостепной ландшафтной подзоны, переходящей в степную подзону Высокого Заволжья, а на правом берегу р. Кама располагались в подтаежной ландшафтной подзоне, в то время как на правом берегу р. Белой занимали ландшафтную подзону широколиственных лесов (Ермолаев и др., 2007; Дедков, 2008, с. 403, 404, рис. 141). В Среднем Прикамье, севернее устья р. Белой, носители маклашеевской культуры обитали в широколиственно-лесной и подтаежной ландшафтных подзонах, не заходя в подзону южной тайги (Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989; Раковская, Давыдова, 2001).

В пределах ареала памятников атабаевского этапа маклашеевской культуры выделяются четыре локальные территориальные группы: 1 – средневожская; 2 – нижекамская; 3 – вятская; 4 – среднекамская, в которых насчитывается 200 поселений (рис. 2) (Халиков, 1980, с. 9). Все они являются селищами, городища отсутствуют. 172 памятника располагаются на первой и второй надпойменных террасах, 16 – в пойме на останцах первой/второй террас на дюнах, 12 – на высоких мысах коренного берега (Соловьев, 2000, с. 76, табл. 5; Чижевский, 2007, с. 96). Судя по данным полевых исследований, площадь поселений варьирует от 1 000 до 15 000 кв.м, но большая часть памятников – в пределах от 1 000 до 4 500 кв.м.

Все исследованные поселения относятся к местам постоянного обитания со значительным – до метра – культурным слоем. Практически на всех памятниках встречены сплески меди, заготовки костяных и каменных орудий, кости домашних животных. Все это свидетельствует об отсутствии производственной специализации поселений, обитатели которых изготавливали все необходимое самостоятельно.

Стационарно исследовались 19 селищ. Судя по данным разведочных обследований и раскопок, на поселениях фиксируются котлованы жилых сооружений – от одного до 14. Как правило, жилища размещаются в один-два ряда параллельно реке, но бывают и другие способы застройки: в виде угла, полукруга, группы, неупорядоченной застройки (Халиков, 1980, с. 9; Соловьев, 2000, с. 76). Жилая застройка очень плотная, сооружения размещались в непосредственной близости друг от друга.

На поселениях атабаевского этапа маклашеевской культуры учтено 176 котлованов сооружений, 19 из которых исследовались раскопами (рис. 3). Выделяется три типа построек: 1) сооружения с заглубленным полом (22,2%) с глубиной котлована 1–20 см; 2) полуземлянки (55,6%), глубина котлована этих сооружений составляла 20–90 см; 3) землянки (22,2%) у которых глубина котлована превышала 90 см. Часто жилища соединялись тамбурными переходами; они зафиксированы в 55,3% случаев (Чижевский, 2007, табл. 2). А.Х. Халиков подчеркивал, что характерной особенностью атабаевских памятников является наличие жилых двухкамерных построек, состоящих из двух котлованов, соединенных тамбуром (Халиков, 1980, с. 10).

Площадь построек разная: от 20 кв. м (Луговская II, жилище IV) до 100–150 кв. м (Мало-Кокузинская I), но наиболее часто встречаются постройки размером от 50 до 90 кв.м. Б.С. Соловьев отмечает, что в среднем размеры построек с углубленным полом несколько меньше, чем у сооружений с более глубоким котлованом (Соловьев, 2000, с. 77). Форма котлованов подчетыреугольная, причем встречаются как подквадратные, так подпрямоугольные постройки. Выявленные у стенок котлованов столбовые ямки в сочетании с параллельными им углистыми канавками свидетельствуют о каркасно-столбовой конструкции стен большей части построек,

однако не исключено наличие в отдельных котлованах введенных в них срубов. Столбовые ямы от опорных столбов в центре или около противоположных стенок котлована говорят о существовании различных типов перекрытия крыши: двускатного, наклонного односкатного и шатрового (Соловьев, 2000, с. 78).

В большей части построек (83,3%) отмечены очаги простой конструкции (от 2 до 5), либо в виде открытого очага, расположенного прямо на полу, либо в очажной яме; очень редко очаг дополнительно обкладывался кусками песчаника, обломками известняка или обмазывался глиной (Соловьев, 2000, с. 77; Чижевский, 2007, табл. 2). Наличие в заполнении большей части кострищ кухонных остатков (пережженной керамики и костей) свидетельствует об использовании их для приготовления пищи. Очаги не имели постоянного местоположения и могли размещаться как в центральной части постройки, так и возле входа или у стен котлована.

Керамический комплекс атабаевского этапа маклашеевской культуры еще во многом продолжает традиции луговской культуры. Это проявляется в использовании тех же элементов орнамента (ямки, резные линии и гребенчатый штамп), одинаковых мотивов декора (горизонтальный зигзаг, заштрихованные треугольники и четырехугольники, горизонтальные линии), размещении орнамента на шейке и плечиках сосудов (рис. 4). Таковы же, как и ранее, примеси в глиняном тесте (шамот, дресва, песок), но резко возрастает количество сосудов с раковинной, достигая на некоторых памятниках почти 90% (Халиков, 1980; Соловьев, 2000; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

Атабаевская керамика в основном плоскодонная (рис. 5: 2, 6, 7, 10, 13, 17, 20), хотя начинают распространяться и круглодонные формы (рис. 5: 1, 5, 8, 9, 14, 18, 19), причем по сравнению с луговскими сосудами у атабаевских значительно уменьшается диаметр дна относительно горловины; по всей вероятности, это явление связано с появлением круглодонной посуды. Широко распространенные ранее баночные формы керамики почти повсеместно исчезают, уступая место горшковидным сосудам (до 98%). Горловина типичного атабаевского сосуда, как правило, блоковидная, но встречаются и формы с низкой цилиндрической шейкой (до 17%). Ярким отличием атабаевской керамики явля-

ется наклепной валик с острым или каплевидным краем, располагающийся у края венчика (до 78%), однако начинают распространяться и сосуды с узким воротничком (до 5–7% на отдельных памятниках).

Наиболее типичными орнаментальными мотивами были горизонтальные ряды небольших по размерам и неглубоких ямок или столь же небольших клиновидных углублений, расположенных в месте перехода шейки в тулово, иногда сгруппированных по три; горизонтальный зигзаг, выполненный гребенкой или резными линиями, который размещался на валике под срезом венчика или на плечиках; на части сосудов он заменялся косой сеткой, горизонтальными рядами перекрещивающихся отпечатков штампа или флажковым орнаментом; на плечиках часто присутствуют ряды горизонтальных линий, выполненных прочерчиванием, гребенчатым штампом или шнуром (Халиков, 1980; Соловьев, 2000). В целом атабаевский керамический комплекс отличается весьма характерными отличительными чертами как в форме сосудов, так и в орнаментации и заметно выделяется на фоне синхронных археологических культур. Некоторые локальные отличия в орнаментации проявляются при сравнении керамики Среднего и Нижнего Прикамья со средневожской и усть-камской: первая украшена богаче; сильны отличия с аким-сергеевской керамикой, в декоре которой доминировала гребенка.

В конце атабаевского этапа в западных районах распространения маклашеевской культуры появляется керамика с текстильными отпечатками поверхности, но с атабаевским орнаментом и характерным оформлением среза венчика в виде валика с острым краем.

Поселения атабаевского этапа маклашеевской культуры часто располагались на местах поселений луговской культуры; позднее здесь же селились носители маклашеевского этапа маклашеевской культуры, а затем и ананьинской КИО, поэтому культурный слой этих памятников сильно перемешан, что затрудняет верификацию той или иной вещи.

Тем не менее, ряд артефактов удалось надежно связать с атабаевским этапом маклашеевской культуры. Это, прежде всего, изделия из камня. На поселениях они представлены скребками различной формы (овальные с высокой спинкой, треугольные, концевые); одно- и двулезвийными ножами, изготовлен-

ными на массивных пластинах и отщепах; проколками; наконечниками стрел листовидной формы с округлым, прямым или приостренным основанием без выделенного черешка, редки наконечники с треугольным пером и выделенным черешком (Крижевская, Халиков, 1959; Халиков, 1980, табл. 35, 36; Соловьев, 2000). Характерно отсутствие крупных каменных орудий, связанных с деревообработкой, однако встречены фрагменты каменных молотов, массивные подтрапцевидной формы терочные плиты из сливного песчаника (длиной до 50 см и шириной до 13–25 см), овальные или дисковидные терочки.

Изделия из глины представлены линзовидными пряслицами двояковыпуклой, плоско-выпуклой и вогнуто-выпуклой форм, есть также пряслица в виде волчка, шаровидной формы и выточенные из стенок сосудов диски-пряслица (рис. 6). Способ использования дисков из стенок сосудов без отверстий, которые являются характернейшим элементом материальной культуры атабаевского этапа, до конца не понятен; возможно, они могли использоваться как ложила или игральные фишки.

Изделий из меди и бронзы на атабаевских памятниках известно немного – в основном это оружие, орудия, украшения, предметы быта, рыбной ловли, остатки металлообработки. В то же время к атабаевскому этапу можно отнести значительную серию случайных металлических находок, особенно из коллекции В.И. Заусайлова.

А.Х. Халиков связывал с этим этапом двуушковые кельты так называемого киммерийского типа (14 экз.) (рис. 7). Они в большинстве найдены вне комплексов поселений, могильников и кладов, однако территория их распространения совпадает с ареалом атабаевских памятников (Халиков, 1980, табл. 43), а одно из орудий происходит из размытого слоя Каентубинской островной стоянки (рис. 7: 2), содержащего атабаевскую керамику (Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 6: 9). От более поздних маклашеевских эту серию двуушковых кельтов отличает массивный валик-ободок по устью втулки и петли, выходящие непосредственно на край втулки.

Другая группа кельтов того времени представлена орудиями с лобным ушком, валиком-ободком по венчику втулки, зауженным лезвием, разноформатной (чаще вогну-

то-линзовидной) конфигурацией фасок, с орнаментом и без орнамента. Они известны в двух вариантах: массивные с симметричным клином и более грацильные с разноформатными фасками и асимметричным клином (25 экз.) (рис. 8). В первом случае имеется находка из комплекса – кельт из жилища 5 поселения Забойное на Средней Каме с керамикой близкой к атабаевской (рис. 8: 8) (Бадер, 1959, рис. 31, 32). Орудия с асимметричным клином известны по случайным находкам, но в пределах ареала памятников атабаевского этапа маклашеевской культуры.

Кельты с лобным ушком и «пещеркой» появились в Волго-Камье в более раннее время – Дербеденевский клад, памятники сусканской культуры (Булычев, 1902, табл. VI, 3; Колев, 2000, рис. 12: 13). Дальнейшее их развитие связано с поздним (маклашеевским) этапом маклашеевской культуры, когда распространились грацильные кельты без валика-ободка по устью втулки и с симметричным клином; они становятся более короткими и широкими, приближаясь по своим параметрам к орудиям последующей – ананьинской – эпохи (Халиков, 1980, табл. 49: 8, 9).

Все относимые к раннему (атабаевскому) этапу маклашеевской культуры наконечники копий (12 экз. и литейная форма) найдены случайно (рис. 9, 10). Соотнесение их с ранним этапом базируется на находках этих изделий на территории атабаевских поселений, а также исходя из морфологических деталей оформления данной категории оружия и ее евразийских аналогов. Одной из культуропределяющих находок для атабаевской серии наконечников копий стала литейная форма с негативом непрорезного наконечника копья и ножа на стоянке Старый Стекольный завод (рис. 9: 2) (Tallgren, 1916, Pl. VII: 7; Халиков, 1980, с. 46, табл. 41: 3).

Типология наконечников копий основывается на разработках А.Х. Халикова и С.В. Кузьминых, которая была адаптирована к ПБВ (Халиков, 1977, с. 183, рис. 71; Кузьминых, 1983, с. 91). В основу начального типологического деления положено отсутствие или наличие прорезей на пере; далее учитывалось соотношение длины пера к расположению его наибольшего расширения, соответственно выделялись экземпляры с пером лавролистной и листовидной формы; другие детали и пропорции (длины пера к его наибольшей

ширине, длины пера и длины втулки, длина и ширина прорезей, наличие укрепляющего ободка вокруг прорезей и др.) учитывались при выделении конечных типологических разрядов.

Выделяются два блока наконечников копий.

I – со сплошным широким пером (0,41–0,67), втулка средней длины – 0,49–0,52; по форме пера выделяются две группы: I.1 – с лавролистным пером; наибольшее расширение пера приходится на середину или близ нее (0,54–0,6); I.2 – с листовидным пером; наибольшее расширение приходится на нижнюю часть пера (0,68–0,71) (рис. 9).

II – с прорезными крыльями пера (ширина отверстия 0,28–0,39, как исключение – 0,21), несколько более узким, чем у непрорезных копий, листовидным пером (0,34–0,53), короткой втулкой (0,11–0,26). Наибольшее расширение пера расположено несколько выше (0,6–0,68), чем у непрорезных экземпляров (рис. 10). Прорези атабаевских наконечников несколько короче и уже, нежели у более ранних копий типа Кармановского клада (Кузьминых, 1981, рис. 5: 3), но длиннее и шире в отличие от более поздних собственно маклашеевских экземпляров. У большинства наконечников атабаевского этапа еще сохраняется укрепляющий валик вокруг прорезей; маклашеевские и ананьинские копия его «теряют». Как реликтовая черта, он сохраняется в эпоху раннего железа лишь у некоторых типов наконечников копий иткульской культуры.

При раскопках атабаевских поселений и сборах на них выявлена серия бронзовых втульчатых (Ананьинское, Луговское II, Степное Озеро II и др.) и стержневидных (Малококузинское I) тесел и долот. Наиболее ранние тесла-долота со «слепой» (не раскованной) втулкой появляются в ПБВ в памятниках сейминско-турбинского типа (Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 38: 3; Черных, Кузьминых, 1989, с. 130). В Волго-Уралье они бытуют вплоть до начала раннего железного века (Кузьминых, 1983, рис. 80; табл. XLI: 10, 13). Атабаевская серия отличается от самых ранних (сейминско-турбинских) и поздних (ананьинских и иткульских) орудий массивным валиком-ободком по венчику втулки. Эта морфологическая деталь сближает их с более ранними втульчатыми криволезвийными (желобчатыми) долотами из Дербеденевского клада (Булычев, 1902, табл. VI, 3) и других

евразийских комплексов (Черных, 1976, табл. XXIX; Бочкарев, 2017, с. 192, № 92).

Украшения представлены круглыми бляхами со стержневидной, согнутой к ободу диска петлей на обороте (2 экз.) (рис. 11: 2), пронизками, свернутыми из тонкой листовой меди, височными подвесками из раскованной и подогнутой по краям узкой пластины² (рис. 11: 4, 5, 7). При изготовлении пластина сгибалась пополам, затем еще раз, в результате чего формовалась изящная желобчатая подтреугольная подвеска. Благодаря своей конструкции она могла надежно крепиться на налобном венчике и других элементах одежды. Такие украшения происходят из четырех поселений: Заюрчимского I, Балахчинского (Кузьминых, 1981, рис. 4: 4), Каентубинского островного, Карташихинского I. Бляхи со стержневидной петлей сравнительно редки в восточноевропейских памятниках, но они широко распространены в древностях азиатской зоны этого времени и финала позднебронзовой эпохи (Агапов, 1990, с. 183, 184).

К предметам быта можно отнести четырехгранные в сечении шилья (6 экз.) и ножи. С поселений и из случайных сборов с памятников атабаевского этапа маклашеевской культуры происходит 23 двулезвийных ножа, в основном с покатыми плечиками в основании клинка (рис. 12) (Халиков, 1980, табл. 42: 2, 3, 8, 9; и др.). Большая часть из них – с плоским черенком, без упора в виде перекрестья и перехвата, характерного для ножей более ранних археологических культур (абашевская, сейминско-турбинская, срубная и др.), и рельефного кольца или овала, который появился на ножах и кинжалах «андроноидных» культур и общности культур с валиковой керамикой. Лишь на изделии из Шаябинского поселения в профиле заметно отчетливое утолщение-упор; по всей вероятности, этот нож один самых ранних в атабаевской серии.

Ножи раннего этапа маклашеевской культуры имели узкие раскованные рукояти (0,33–0,54)³ и широкий клинок (0,24–0,49)⁴; его наибольшее расширение приходится на

² Таких украшений всего 8 экз. с учетом находок из погребений.

³ Относительная ширина рукояти рассчитывается как соотношение ширины черена в средней части к наибольшей ширине клинка.

⁴ Относительная ширина клинка рассчитывается как соотношение ширины полотна в месте его наибольшего расширения к длине клинка.

нижнюю треть, прилегающую к плечикам (0,05–0,3)⁵. Выделяется два типа ножей: 1) с крутыми хорошо выраженными плечиками и прямыми лезвиями (7 экз.) и 2) с покатыми плечиками и эллипсовидными лезвиями (16 экз.) (рис. 12). Именно ножи второго типа являются классическими атабаевскими ножами.

Орудия рыболовства – крючки разных размеров найдены на ряде атабаевских поселений. Выделяются крючки с прямым и изогнутым цевьем, с кольцом или отверстием для крепления лески в верхней части и жалцем с рельефной бородкой; ширина и высота поддева различна, что свидетельствует о широком спектре отлавливаемых рыб.

Медные и бронзовые широкие слабоизогнутые серпы-секачи (типа орудий из Дербеденевского клада) с крюком-рукоятью и им подобные, а также узкие слабоизогнутые серпы с прямой рукоятью и отверстием для крепления (2 группа, по Б.Г. Тихонову), относимые А.Х. Халиковым к атабаевскому этапу, по современным представлениям относятся к культурам более раннего времени (Тихонов, 1960, с. 69; Халиков, 1980, табл. 46: 8–12; Кузьминых, 1981, рис. 4: 1, 2; 5: 1, 2; 7; 9; 10: 3, 4; Бочкарев, 2017, с. 190, № 54).

Начавшееся на атабаевском этапе маклашевской культуры похолодание и увлажнение климата вызвали существенное сокращение земледелия по сравнению с луговским временем⁶. Это привело к увеличению роли скотоводства; в мясном потреблении доминировал крупный рогатый скот. Для примера, состав стада Гулюковской III стоянки представлен крупным рогатым скотом – 51,3%, лошадьми – 19,9%, мелким рогатым скотом – 15,6%, свиньями – 13,2% (Чижевский, 2010, с. 28).

В жизнеобеспечении атабаевского населения присваивающие отрасли хозяйства не играли заметной роли. По данным остеологии, охота была мало распространена, так как кости диких животных на поселениях едва превышают один процент (1,4%) при пода-

вляющем преобладании домашних животных (Чижевский, 2010, с. 28). На основании немногочисленных находок бронзовых рыболовных крючков и костей рыбы (0,6%) трудно судить об истинном развитии рыболовства. Само топографическое положение атабаевских поселений на берегах и в поймах крупнейших европейских рек может свидетельствовать о его заметной роли.

На поселениях атабаевского этапа найдены многочисленные следы металлопроизводства (медная руда, шлаки, сплески, отходы литья иковки, чашевидные тигли, ложковидные льячки и др.). Однако ни на одном из селищ пока что не выявлены специализированные сооружения, связанные с металлургией и металлообработкой.

Сохранность немногочисленных изделий из кости очень плохая и позволяет лишь констатировать наличие косторезного ремесла, хотя отдельные сохранившиеся изделия, такие как рыболовный крючок из Мало-Кокузинского I поселения, свидетельствуют о высоком уровне развития обработки кости в это время.

Могильники раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры немногочисленны: Большеотарский I (1 погр.), могильник на Гулюковском III поселении (1 погр.), Луговской курганный (4 погр.), Рождественский I (4 погр.), Тураевский II (5 погр.), остатками разрушенного некрополя были находки на Лебединском VII поселении (2 погр.) (Збруева, 1960, с. 29–33; Генинг и др., 1962, табл. III, с. 9–11; Халиков, 1980, табл. 8; 9; Арматынская, 2007, с. 120, рис. 3: 5; 4: 7, 10).

Все шесть некрополей располагались на второй надпойменной террасе рр. Волга (Большеотарский I) и Кама (могильник на Гулюковском III поселении, Лебединский, Луговской курганный, Рождественский I, Тураевский II), а также на останце песчаной дюны (Большеотарский I).

Большеотарский I, могильник на Гулюковском III поселении, Лебединский, Луговской курганный и Тураевский II некрополи располагались на окраинах селищ; его размещение в окрестностях Рождественского I могильника не удалось установить.

Для атабаевского этапа маклашевской культуры известно 10 погребений, у всех зафиксированы очертания могильных ям. Выделяются два типа⁷ могильных ям: тип I

⁵ Высота размещения наибольшего расширения клинка рассчитывается как отношение высоты плечика (т.е. длины расстояния от места перехода черена в клинок до наибольшего расширения клинка) к длине ножа.

⁶ Один из авторов (С.В. Кузьминых) считает, что имеющихся доказательств наличия земледелия в Прикамье в эпоху поздней бронзы недостаточно.

⁷ Анализ погребального обряда произведен по

– подпрямоугольной формы средних пропорций с соотношением длины и ширины от 1,7 : 1 до 2,3 : 1 (8 экз.); тип II – широкие и короткие подчетыреугольной, близкой к подквадратной формы с соотношением длины и ширины 1,3 : 1 (2 экз.).

Все могилы – простые грунтовые ямы без дополнительных элементов конструкции; перекрытия и настил не зафиксированы. Элементы обкладки стенок сохранились лишь в Луговском могильнике (кург. 2, погр. 2-3) в виде камней; в остальных ямах такую роль, вероятно, играла обкладка из органических материалов.

Во всех могилах выявлено десять скелетов людей разной сохранности; половозрастные определения не производились, хотя на Тураевском II могильнике зафиксировано детское погребение (№ 51). Все захоронения – одиночные; в шести случаях определена поза погребенных: поровну вытянутое на спине и скорченное (в разной степени скорченности) на правом боку. Необходимо отметить, что погребения в вытянутом положении размещались в ямах I типа, а в скорченном – в ямах II типа. Таким образом, можно утверждать, что могильные ямы рылись по длине тела с небольшим превышением длины.

Кости рук погребенных в ямах I типа были вытянуты вдоль тела или лежали на тазовых костях, в ямах II типа согнуты в локтях и располагались перед грудью.

Ориентировка определена для 9 погребений; она неустойчива: головой на В ориентировано 2 костяка, на ЮВ – 5, на С – 1, на З – 1. Речная ориентация не характерна: 2 погребения расположены параллельно реке (озеру), 5 – головой к реке, 2 – ногами к реке.

Только в четырех погребениях сопровождающий инвентарь отсутствовал, в остальных зафиксировано семь категорий инвентаря, которые относятся к оружию, украшениям, предметам быта и керамике.

Предметы вооружения, представленные кинжалом и двумя кельтами, были найдены на территории разрушенного Лебединского могильника. Двулезвийный кинжал имеет широкое лезвие, узкую рукоять и является увеличенной в размерах копией ножа атабаевского типа. Кроме того, здесь были найдены два кельта: двуушковый и с лобным ушком.

методике В.С. Ольховского (1991), адаптированной для культур предананьинского и ананьинского времени А.А. Чижевским (2008).

Характер размещения предметов в могильной яме не выявлен.

Украшения, известные в погр. 1 Большеотарского I, погр. 1 могильника на Гулюковском III поселении, погр. 2-3 кург.2 Луговского курганного, погр. 10 Тураевского II могильников, представлены круглыми бляхами с петлей на обороте; полушарными бляшками-обоймицами без петли (60 экз.) от кожаного нагрудника (они крепились к основе треугольными выступами по краю), височными желобчатыми подвесками подтреугольной формы (погр. 1 Большеотарского I могильника, 2 экз.; погр. 1 могильника на Гулюковском III поселении; возможно, остатки таких же подвесок выявлены в погр. 10 Тураевского II могильника). В погр. 1 могильника на Гулюковском III поселении, кроме того, расчищена пронизь из трубчатой кости животного.

Из погр. 1 Большеотарского I могильника происходят двулезвийный нож атабаевского типа и проколка с рукояткой из трубчатой кости барана. В погр. 1 могильника на Гулюковском III поселении выявлен фрагмент конкреции кварцита и днище круглодонного сосуда.

В остальных погребениях и в насыпи кург. 1 Луговского курганного могильника выявлена лишь глиняная посуда, представленная круглодонными и плоскодонными сосудами с характерным атабаевским острым или круглым каплевидным валиком, или узким воротничком. Керамика украшена типичным для атабаевского этапа орнаментом (горизонтальные ряды ямок или клиновидных углублений, двойные оттиски наклонного штампа, горизонтальный зигзаг, флажки и т.д.).

Для раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры характерен подкурганый обряд захоронения. Он зафиксирован на Луговском курганном могильнике и реконструируется для Большеотарского I, Рождественского I и Тураевского II. На основании данных Луговского могильника можно утверждать, что умерших хоронили под небольшими курганами диаметром 7–11 м и высотой насыпи 0,5–1 м, которые располагались на расстоянии 8–40 м друг от друга. Под курганной насыпью размещались одиночные погребения. На таком же расстоянии размещались одиночные погребения на могильниках с не выявленными курганными насыпями: Рождественском I и Тураевском II (от 7 до

22 м и более)⁸. Курганная насыпь не выявлена и у одиночного погр. 1 Большеотарского I могильника.

Судя по находкам на поверхности погребенной почвы под курганной насыпью фрагментов керамики и целых сосудов, погребения умерших людей сопровождалось поминальными обрядами.

Хронология атабаевского этапа базируется на аналогиях вещам и стратиграфии комплексов поселенческой керамики. Исследование селищ конца бронзового века позволило установить относительную хронологию атабаевского этапа маклашеевской культуры, которому предшествуют керамические комплексы луговской культуры (14 поселений) и перекрывают слои, содержащие керамику маклашеевского этапа (69 поселений) (Халиков, 1969; 1980, с. 9; Габяшев и др., 1976).

Комплексы с керамикой атабаевского типа традиционно датируют XII–XI вв. до н.э. или XIII–XII вв. до н.э. (Халиков, 1967, с. 13, рис. 1; Колев, 2000, с. 251), однако в последние годы проявилась тенденция к удревнению атабаевского этапа вплоть до XIV–XIII вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

Для датировки в системе абсолютной хронологии нами использовался сравнительно-типологический анализ с опорой на предметы-хроноиндикаторы. В качестве датирующих предметов привлекались металлические изделия: кельты – двуушковые и с лобным ушком, втульчатые тесла-долота, желобчатые височные подвески.

Большая часть предметов относится к выделенной В.С. Бочкаревым V группе металлических изделий ПБВ Восточной Европы, куда входят кельты с двумя ушками, примыкающими к краю втулки, и валиком-ободком по его венчику – типы П.5.1, П.5.2 (по: Ушурелу, 2010, с. 35, рис. 8: 4–8, 10, 13), а также массивные кельты с лобным ушком, разноформатными фасками и таким же укрепляющим валиком по устью втулки – варианты Лебедино и Крестище (по: Гершкович и др., 2013) и криволезвийные тесла-долота с валиком-ободком по венчику втулки (Бочкарев, 2017, с. 173, 174, рис. 10).

Время существования кельтов с двумя ушками, петли которых примыкают к краю

⁸ Погребения взрослого человека (№45) и детского (№51) в Тураевском II могильнике были разделены расстоянием 3 м.

втулки, определяется в промежутке между лобойковско-головуровскими и кардашинскими типами кельтов, то есть XIV–XIII вв. до н.э. (Гершкович и др., 2013, с. 191).

Втульчатые тесла-долота появляются в начале позднебронзовой эпохи. Они известны еще в сейминско-турбинских комплексах (Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 38: 3; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 23: 3–5), но без упрочняющего валика по устью втулки. Эта деталь появляется на постсейминских кельтах в комплексах типа Дербеденевского клада (XVI–XV вв. до н.э.), который соотносится с горизонтом андроновидных культур Волго-Камья (луговской, сусканской, черкакульской) (Кузьминых, 1981, с. 60, прим. 58; Ушурелу, 2010, с. 54; Uşurelu, 2011, p. 50, n. 5; Бочкарев, 2017, с. 172, 173), но наибольшее распространение такие тесла-долота получают уже на атабаевском этапе маклашеевской культуры.

Аналогии втульчатым теслам-долотам и двуушковым кельтам типа П.5.1 и П.5.2 присутствуют в материалах периода IV и, частично, IA северо-западного Причерноморья, где они датируются XIV–XIII вв. до н.э. (Дергачев, 2011, с. 249, 251, 253, 255, рис. 157: 8, 20, 92, 94, 99, 100).

Кельты с лобным ушком являются, по всей видимости, продукцией местного – волгокамского – производства (Халиков, 1980, с. 45; Гершкович и др., 2013, с. 193), поэтому аналогии им вне Волго-Камья малочисленны. Тем не менее, находки этих изделий совместно с двуушковыми кельтами, петли которых примыкают к краю втулки, в составе клада в Крестище (Гершкович и др., 2013, рис. 1, 3) и на размытом Лебединском могильнике (Халиков, 1969, рис. 57: 7–9) позволяют распространить время бытования двуушковых кельтов данного типа на массивные кельты с лобным ушком и валиком-ободком по устью втулки.

Важное значение имеют материалы погр. 1 Балымского могильника, которое содержало в составе своего погребального инвентаря желобчатые височные подвески. В отличие от подвесок, распространенных в более ранних культурах (абашевская, синташинская, петровская, срубная, алакульская, федоровская и др.) и сделанных из одинарной раскованной пластины, они изготавливались из сложенной вдвое и раскованной пластины. Подобные украшения найдены также на четырех поселениях, поэтому могут рассматри-

ваться как типичные для атабаевского этапа маклашеевской культуры, и их датировка может объективно отражать время существования памятников этапа в целом.

К сожалению, круг аналогий подвескам балымского типа невелик, в настоящее время известна только одна находка такого типа в Зауралье на поселении Оськино Болото пахомовской культуры (Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2009, рис. 3). Следует отметить, что на данном поселении была выявлена и бляшка с вытянутой и загнутой внутрь петель, аналогичная находке из погр. 1 Балымского могильника (Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2009, рис. 3). Нижняя дата существования пахомовской культуры XIV в. до н.э. не вызывает дискуссии, а вот оценки верхнего горизонта её существования у разных исследователей разнятся – от XIII в. до н.э. (Корочкова, 2009, с. 83) до XI в. до н.э. (Ткачев Ал.Ал., 2017, с. 14–15).

Таким образом, по совокупности датировок предметов-хроноиндикаторов время существования атабаевского этапа маклашеевской культуры определяется в границах XIV–XIII вв. до н.э., в рамках третьего периода развития Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (Кузьминых,

Дегтярева, 2006, с. 251–254; Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 44).

Изменение вещевого комплекса маклашеевской культуры на следующем – позднем (маклашеевском) – этапе (XII–X вв. до н.э.) было обусловлено миграцией носителей средневожжской культуры текстильной керамики (СКТК) с запада – из Нижегородско-Марийского Поволжья. Взаимодействие СКТК с носителями атабаевского керамического комплекса привело к оформлению классического стереотипа маклашеевской керамики: круглодонной, с цилиндрической или блоковидной горловиной, орнаментированной по шейке ямками, размещенными группами от двух до пяти, а также оттисками гребенчатого штампа и резными линиями. Одновременно с этим происходит полное вытеснение скорченного обряда погребения вытянутым на спине и массовое распространение грунтовых могильников, меняется погребальный и поселенческий инвентарь. Однако в декоре керамики по-прежнему присутствуют атабаевские мотивы и композиции, а значительная часть поселений и некоторые маклашеевские могильники продолжают существовать на месте более ранних – атабаевских.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С.А. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Дис. ... канд. ист. наук. Т. 1–2. М.: ИА АН СССР, 1990 / Архив ИА РАН, Р–2, №№ 2336, 2337.
- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 44–59.
- Алабин П.В. Ананьинский могильник // ВРГО. Ч. XXIX. № 6. 1860. С. 87–120.
- Арматинская О.В. Тураевский II могильник и Икское III поселение // УАВ. Вып. 6–7 / Отв. ред. Г.Н. Гарустович. Уфа: Гилем, 2007. С. 121–130.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная культура финно-угров Приуралья. Ижевск: Удм ГУ, 1977. С. 93–138.
- Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ). Т. 1. канд. дисс. Сыктывкар, 1984. 211 с.
- Бадер О.Н. Поселение Забойное I // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 25–62.
- Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.
- Бульчев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. I. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. 33 с., XIII табл.
- Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татари в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1976. С. 3–34.
- Генинг В.Ф., Старостин П.Н. Кумысские стоянки и могильник // ОНКАЭ. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 87–104.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: КГУ, 1962. 128 с.

Генинг В.Ф., Совцова Н.И. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 51–71.

Гершкович Я.П., Панковский В.П., Шамрай А.В. Клад бронзовых изделий из леса у села Крестище (Славянский р-н Донецкой области, Украина) // Revista Arheologică. Serie nouă. 2013. Vol. IX. Nr. 1. Pp. 188–197.

Горюнова Е.И. Мари-Луговской могильник и селище // ПИДО. 1934. № 9–10. С. 171–179.

Дедков А.П. Рельеф // Природные условия Ульяновской области. Казань: КГУ, 1978. С. 73–101.

Дедков А.П. Основные черты развития рельефа [Поволжья и Прикамья]. Геоморфологическое районирование // А.П. Дедков. Избранные труды. Казань: КГУ, 2008. 397–409.

Денисов В.П. Культуры эпохи бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 29–50.

Дергачев В.А. Кельты и серпы Нижнего Подунавья / Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Задунавья. Вып. 2. Кишинев: ИКН АНМ, 2011. 460 с.

Ермолаев О.П., Игонин М.Е., Бубнов А.Ю., Павлова С.В. Ландшафты Республики Татарстан. Региональный ландшафтно-экологический анализ. Казань: Слово, 2007. 411 с.

Збруева А.В. Ананьинский могильник // СА. 1937. Т. II. С. 95–111.

Збруева А.В. Из работ Куйбышевской экспедиции // КСИИМК. 1941. Вып. X. С. 108–111.

Збруева А.В. Памятники поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. №80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: ИА АН СССР, 1960. С. 10–95.

Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ, 1982. С. 52–77.

Исаченко А.Г. Ландшафты СССР. Л.: ЛГУ, 1985. 320 с.

Исаченко А.Г., Шляпников А.А. Ландшафты. М.: Мысль, 1989. 504 с.

Калинин Н.Ф. Казанская стоянка // Историко-археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов. М.: НИИ КИМР, 1948. С. 179–186.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 / Труды КФАН СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954а. С. 157–246.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНИЦ РАН, 2000. С. 242–301.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 75–84.

Крижевская Л.Я., Халиков А.Х. Каменный инвентарь поселений эпохи бронзы в Казанском Поволжье (по материалам работ Куйбышевской экспедиции ИИМК и археологических экспедиций КФАН СССР) // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2 / Отв. ред. Х.Ф. Хайруллин. Казань: КФАН СССР, 1959. С. 119–156.

Кузьминых С.В. Некоторые итоги спектроаналитического изучения цветного металла ананьинской культурно-исторической общности // Материалы IV конференции молодых научных работников [ИЯЛИ КФАН]. Казань: КФАН СССР, 1976. С. 58–60.

Кузьминых С.В. Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1981. С. 41–70.

Кузьминых С.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1982. С. 13–28.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 256 с.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учебник / Под ред. В.Л. Янина. М.: МГУ, 2006. С. 219–270.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22–36.

Лыганов А.В. К проблеме выделения займищенского культурного типа начала позднего бронзового века в Среднем Поволжье // Актуальные вопросы российской археологии / Науч. ред. В.А. Шаталов. Казань: ЦИАИ, 2014. С. 8–16.

Марков В.Н. К постановке проблемы происхождения памятников маклашеевского типа // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья: ТД. Казань: НЦАИ АН РТ, 1996. С. 10–12.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.

Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье. Физико-географическое описание. М.: АН СССР, 1953. 263 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / ТМАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 162 с.

Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа: БЭК, 1998. 205 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

Прокошев Н.А. Памятники эпохи бронзы в устье Камы // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 59–66.

Раковская Э.М., Давыдова М.И. Физическая география. Ч. 1. М.: ВЛАДОС, 2001. 288 с.

Сальников К.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. 1954. № 4. С. 11–24.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Смолин В.Ф. Археологические разведки в ЧАССР // ИОАИЭ. 1933. Т. 33. С. 15–32.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / ТМАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

Ставицкий В.В. Бронзовый век // Археология Мордовского края: каменный век, эпоха бронзы / Общ. ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИГНПРМ, 2008. С. 134–209.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа / МИА. № 90 / Отв. ред. О.Н. Бадер, С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1960. С. 5–115.

Ткачев Ал.Ал. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: АГУ, 2017. 26 с.

Ткачев А.А., Ткачев, Ал.Ал. Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 81–89.

Ушурелу Е. Генезис и эволюция двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы // Revista Arheologică. Serie nouă. 2010. Vol. X. Nr. 1. Pp. 22–67.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / ТМАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 188 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1967. С. 7–28.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 263 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Худяков М.Г. К посещению Казани В.А. Городцовым // КМВ. 1920. № 7–8. С. 117–118.

Худяков М.Г. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет: Юбилейный сборник статей. Казань: Тип. Комбината изд-ва и печати «Восток», 1923. С. 72–126.

Худяков М.Г. Могильник Маклашеевка II // Материалы Центрального музея Татарской АССР / Ред. кол. Н.И. Воробьев и др. Казань: 1-я гос. тип. «Красный печатник», 1930. С. 11–14.

Худяков М.Г. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области. Введение в историю народа мари / ИГАИМК. Вып. 141. М.-Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. 132 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.

Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II – начала I тыс. до н.э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 93–112.

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 40–63.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А.А. Гулюковская III стоянка: экологическая адаптация и факторы хозяйственно-культурного развития // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 25–30.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–42.

Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Т. II: Приложение. М.: Синодал. тип., 1881. 125 с.

Chudjakov M. Die Ausgrabungen von P.A. Ponomarev in Maklašeevka im Jahre 1882 // FUF. 1926. Bd. XVII. S. 14–26.

Uşurelu E. Apariția și evoluția topoarelor-celt cu urechiușă frontală în epoca bronzului din Europa de Est // Revista Arheologică. Serie nouă. 2011. Vol. VII. Nr. 1–2. Pp. 47–54.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916. 47 p., XVI pl.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ligaant@rambler.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), чл.-корр. Германского археологического института (г. Берлин, Германия), зарубежный член Финского общества древностей (г. Хельсинки, Финляндия); kuzminykhsv@yandex.ru

EARLY (ATABAEVO) STAGE OF MAKLASHEEVO CULTURE

A.A. Chizhevsky, A.V. Lyganov, S.V. Kuzminykh

Maklasheevo culture corresponds to the end period of the Bronze Age in the Volga-Kama region. It established after the collapse of Andronovo Cultural and Historical Community as a result of a transformation of Lugovskaya culture. At the early Atabaevo stage of Maklasheevo culture it spreads across the territory of the Middle Volga region, and the Lower and the Southern parts of the Middle Kama. Extensive field work at the monuments of the Atabaevo stage have allowed the authors provide a detailed description of the material culture and identify the boundaries and planigraphy of the settlements. Despite the insufficient knowledge of the burial grounds, they could reconstruct the funeral rite on the basis of under-barrow burials with the deceased located in a crouched or stretched positions on their backs with a scarce funerary inventory, including weapons, jewelry, household items and ceramics. The chronology of the Atabaevo stage of Maklasheevo culture is based on a comparative typological analysis with a focus on chronological indicators: the Celtic “Cimmerian” double-lug and front-lug socketed adzes-chisels, and grooved temple pendants. Based on the available counterparts, the existence period of the Atabaevo stage of Maklasheevo culture has been identified as the 14th-13th

centuries B.C. within the framework of the third development period of Western Asian (Eurasian) metallurgical province.

Keywords: archaeology, Volga-Kama region, Late Bronze Age, Atabaevo stage of Maklasheevo culture, material culture, burial rite, chronology

About the Authors:

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ligaant@rambler.ru

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

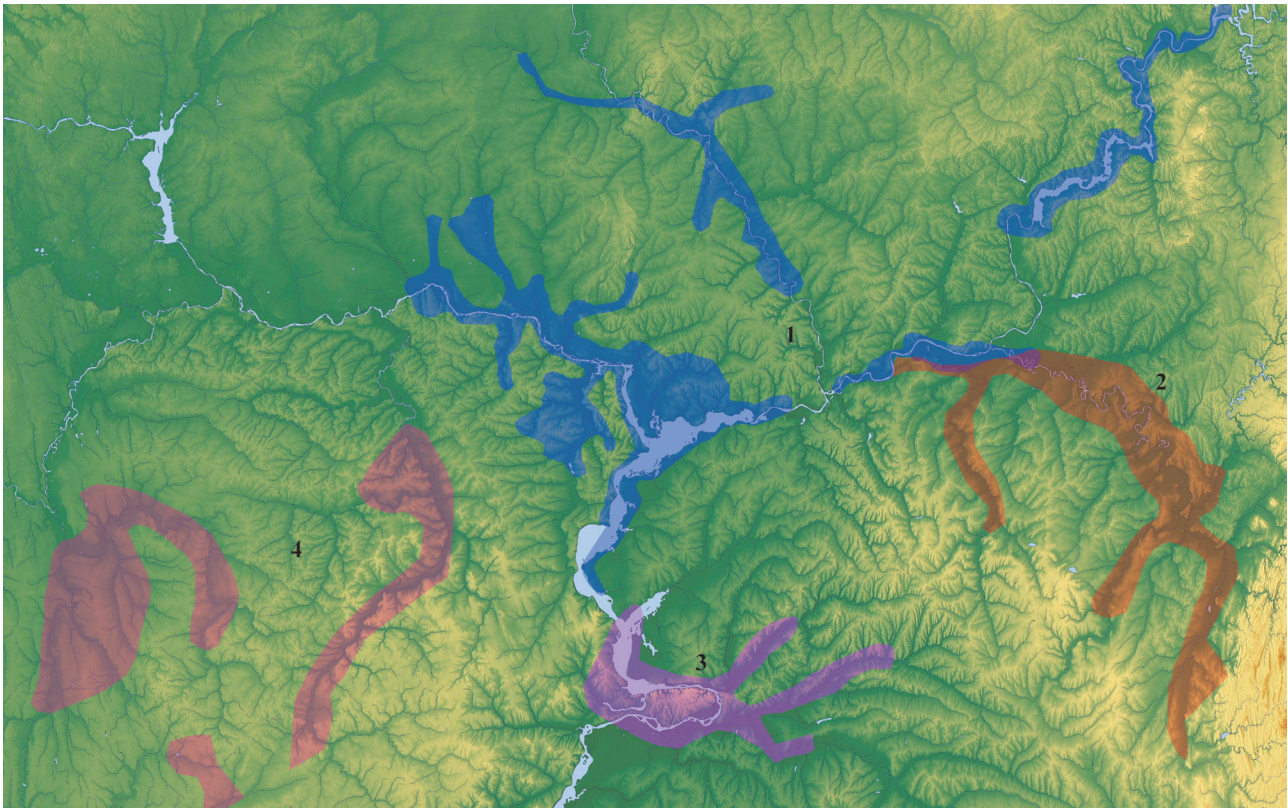

Рис. 1. Ареалы культур постандроновского времени в Волго-Камье: 1 – территория распространения памятников раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры; 2 – территория распространения памятников межовской культуры; 3 – территория распространения памятников атабаевско-кайбельского культурного типа; 4 – территория распространения памятников аким-сергеевского культурного типа.

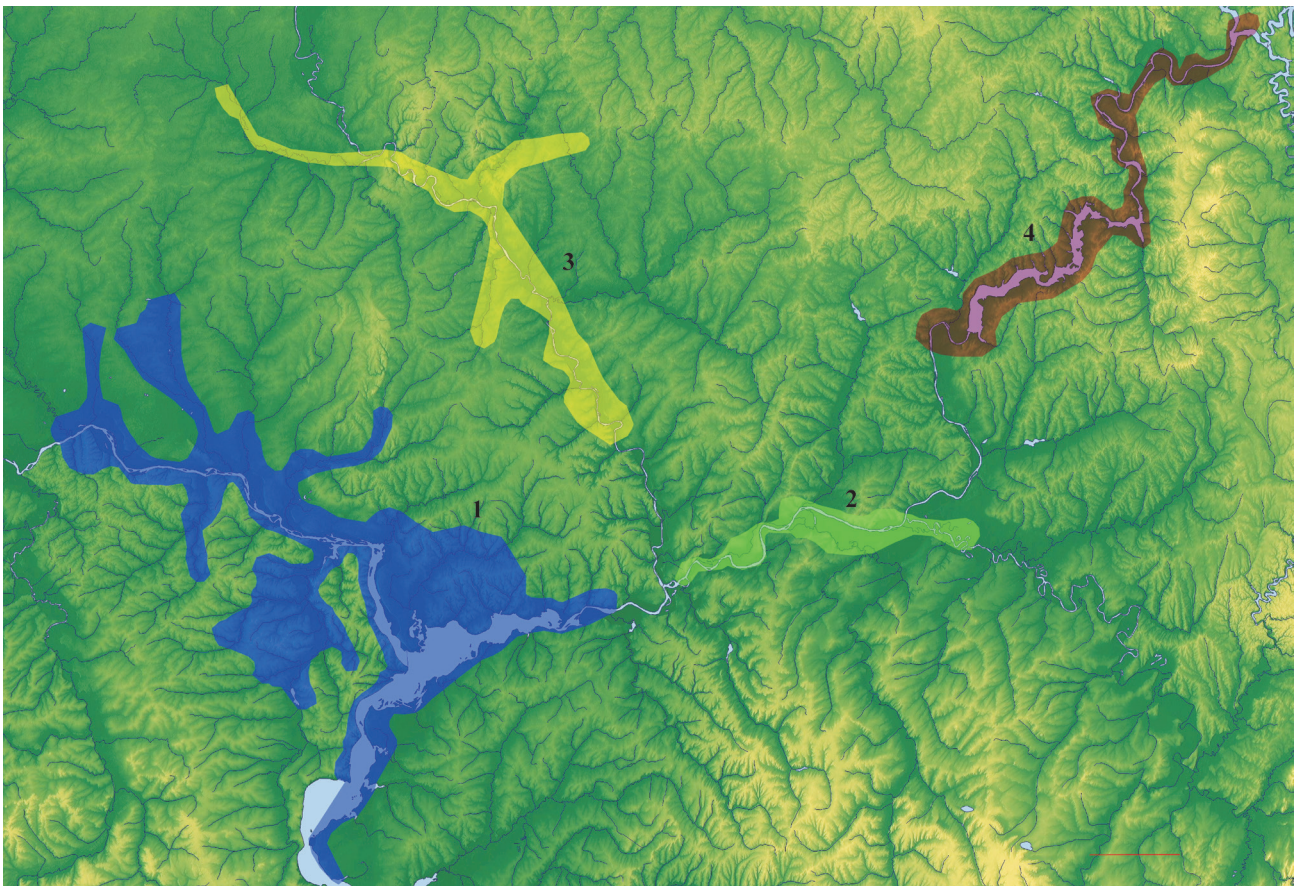

Рис. 2. Локальные территориальные группы памятников раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры: 1 – средневожжская; 2 – нижекамская; 3 – вятская; 4 – среднекамская.

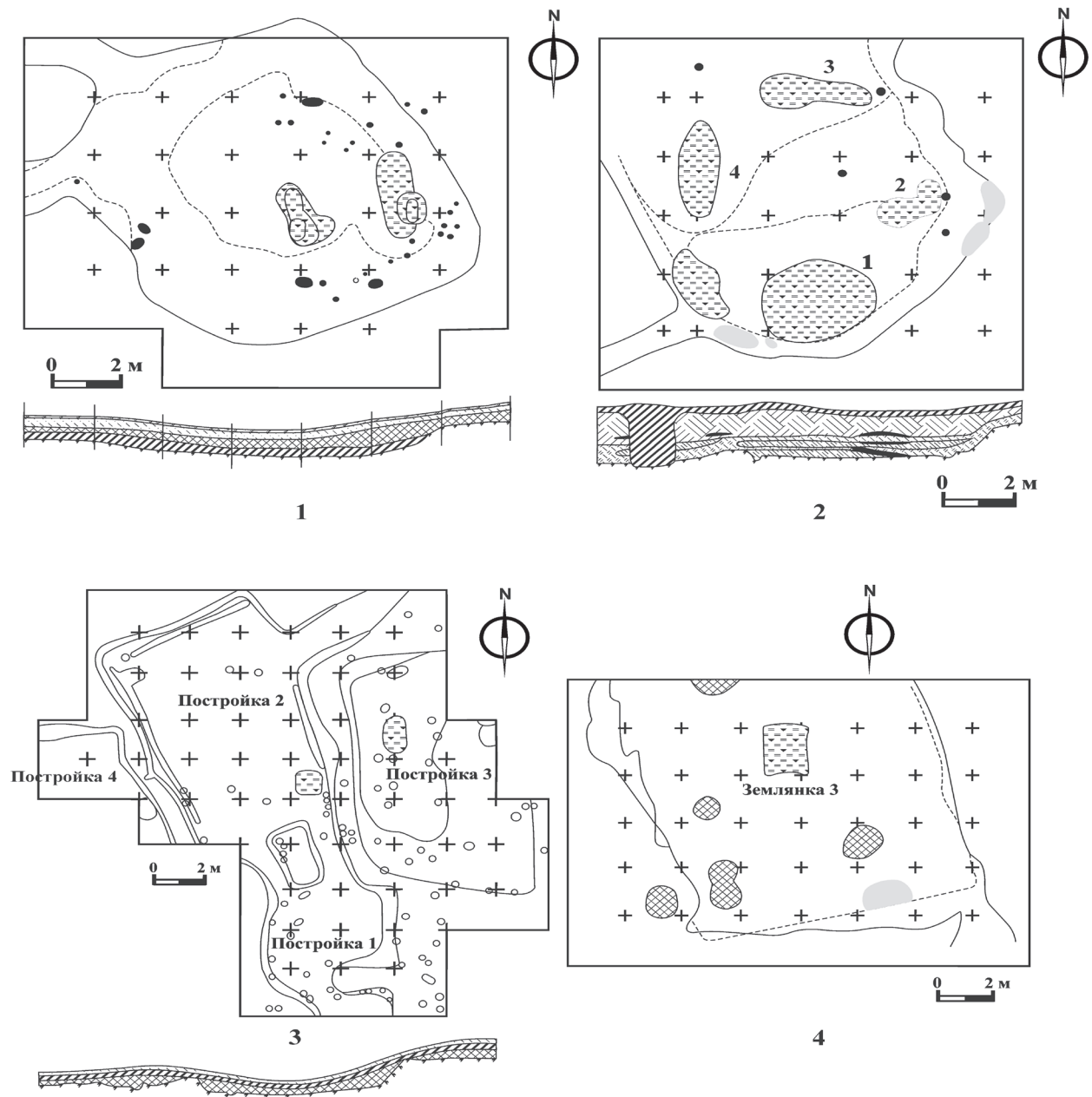

Рис. 3. Котлованы жилых сооружений на поселениях раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры: 1 – Займищенская II стоянка, соор. 1, по Калинин, Халиков, 1954а; 2 – Атабаевская стоянка I, по Калинин, Халиков, 1954а; 3 – Ошутьяльское III поселение, соор. 1–4, по Никитин, Соловьев, 2002; 4 – Гулькинская I стоянка, землянка 3, по Збруева, 1960.

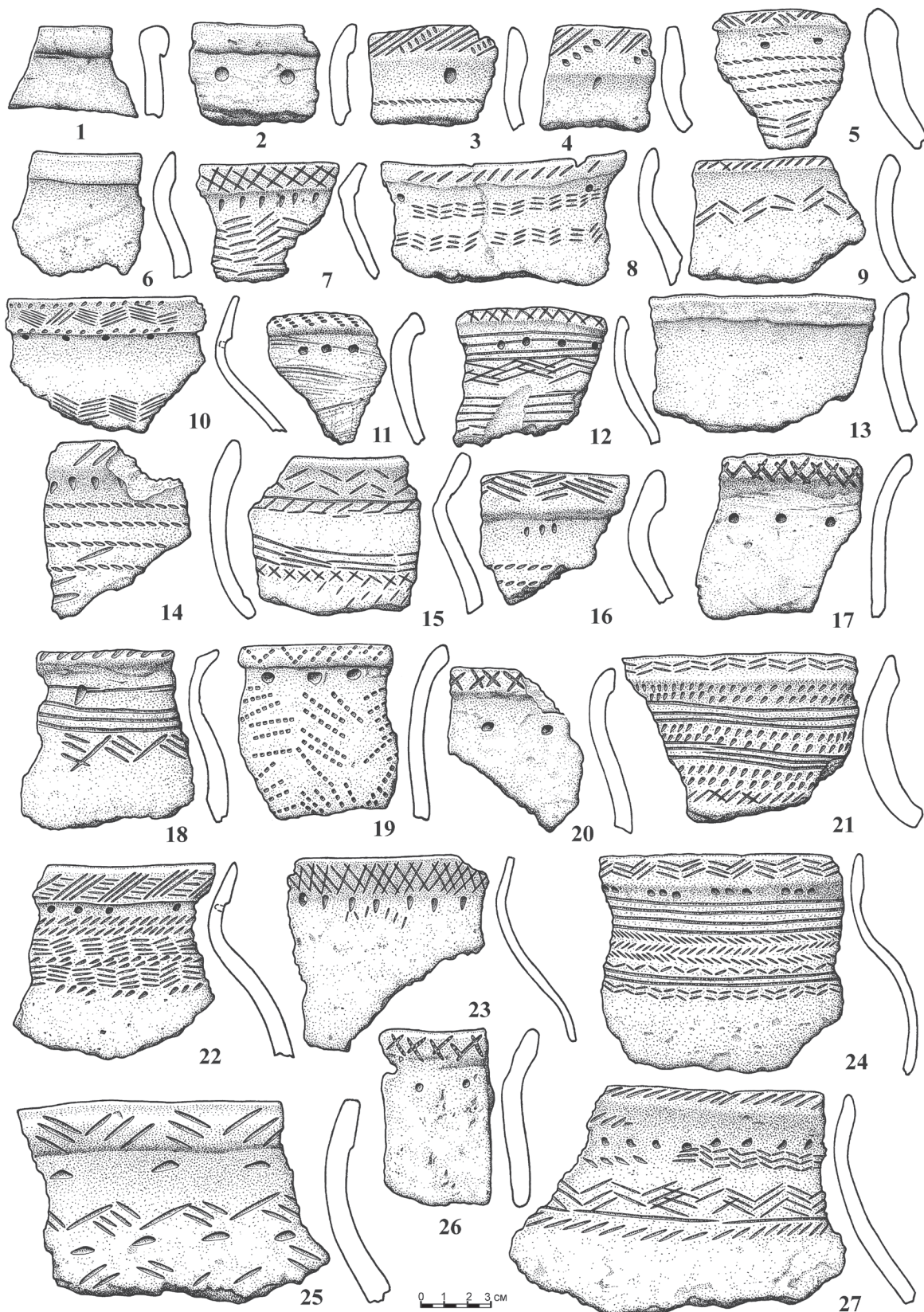

Рис. 4. Поселенческая керамика раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры: 1 – Карташихинская I стоянка; 2 – Карташихинская I стоянка; 3 – Гулькинская I стоянка; 4 – Карташихинская I стоянка; 5 – Луговская II стоянка; 6 – Каентубинская островная ст.; 7 – Курманаковская IV стоянка; 8 – Луговская II стоянка; 9 – Луговская II стоянка; 10 – Каентубинская островная ст.; 11 – Карташихинская I стоянка; 12 – Карташихинская II стоянка; 13 – Луговская I стоянка; 14 – Гулькинская I стоянка; 15 – Гулькинская I стоянка; 16 – Гулькинская I стоянка; 17 – Карташихинская I стоянка; 18 – Гулькинская I стоянка; 19 – Карташихинская I стоянка; 20 – Карташихинская I стоянка; 21 – Луговская I стоянка; 22 – Каентубинская островная ст.; 23 – Курманаковская IV стоянка; 24 – Луговская II стоянка; 25 – Гулькинская I стоянка; 26 – Карташихинская I стоянка; 27 – Луговская II стоянка.

Рис. 5. Целые и реконструируемые формы керамики раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры: 1 – Луговские курганы, 1947, к.1, погр.2; 2 – Луговская II стоянка; 3 – Луговская II стоянка; 4 – Каентубинская островная стоянка; 5 – Рождественский могильник погр.2; 6 – Луговские курганы, кург. 3, погр.1; 7 – Луговские курганы, кург. 1; 8 – Рождественский I, погр. 1; 9 – Балымский могильник погр.1; 10 – Тураевский могильник, погр. 10; 11 – Каентубинская островная стоянка; 12 – Луговская II стоянка; 13 – Гулюковская III стоянка; 14 – Гулюковская III стоянка; 15 – Луговская II стоянка; 16 – Луговская II стоянка; 17 – Луговская IV стоянка; 18 – Большеотарская (Балымская) I стоянка; 19 – Луговская II стоянка; 20 – Ильичевская стоянка.

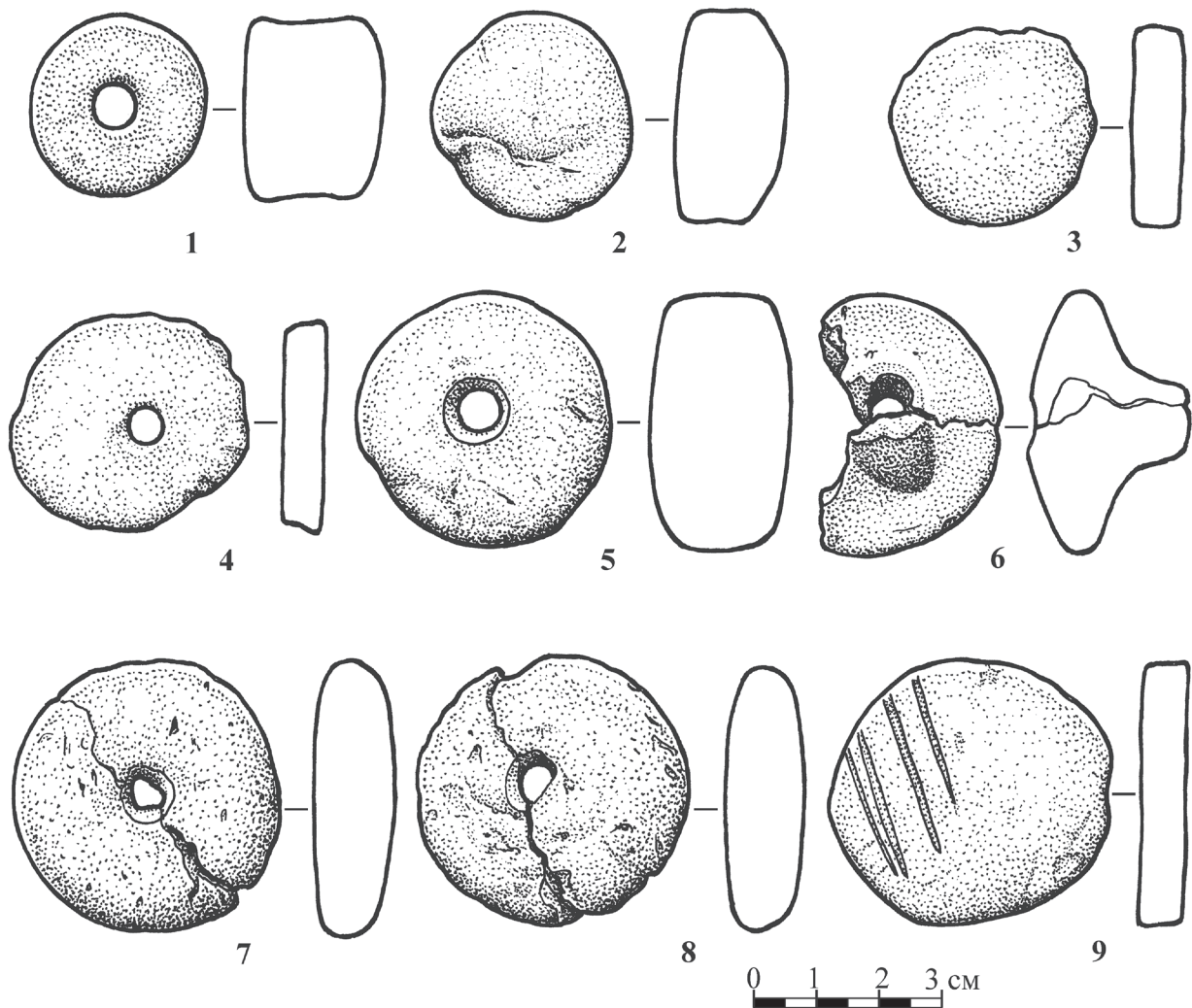

Рис. 6. Пряслица раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры: 1 – Луговская I стоянка; 2 – Карташихинская I стоянка; 3 – Гулькинская I стоянка; 4 – Гулькинская I стоянка; 5 – Карташихинская I стоянка; 6 – Карташихинская I стоянка; 7 – Карташихинская I стоянка; 8 – Карташихинская I стоянка; 9 – Гулькинская I стоянка.

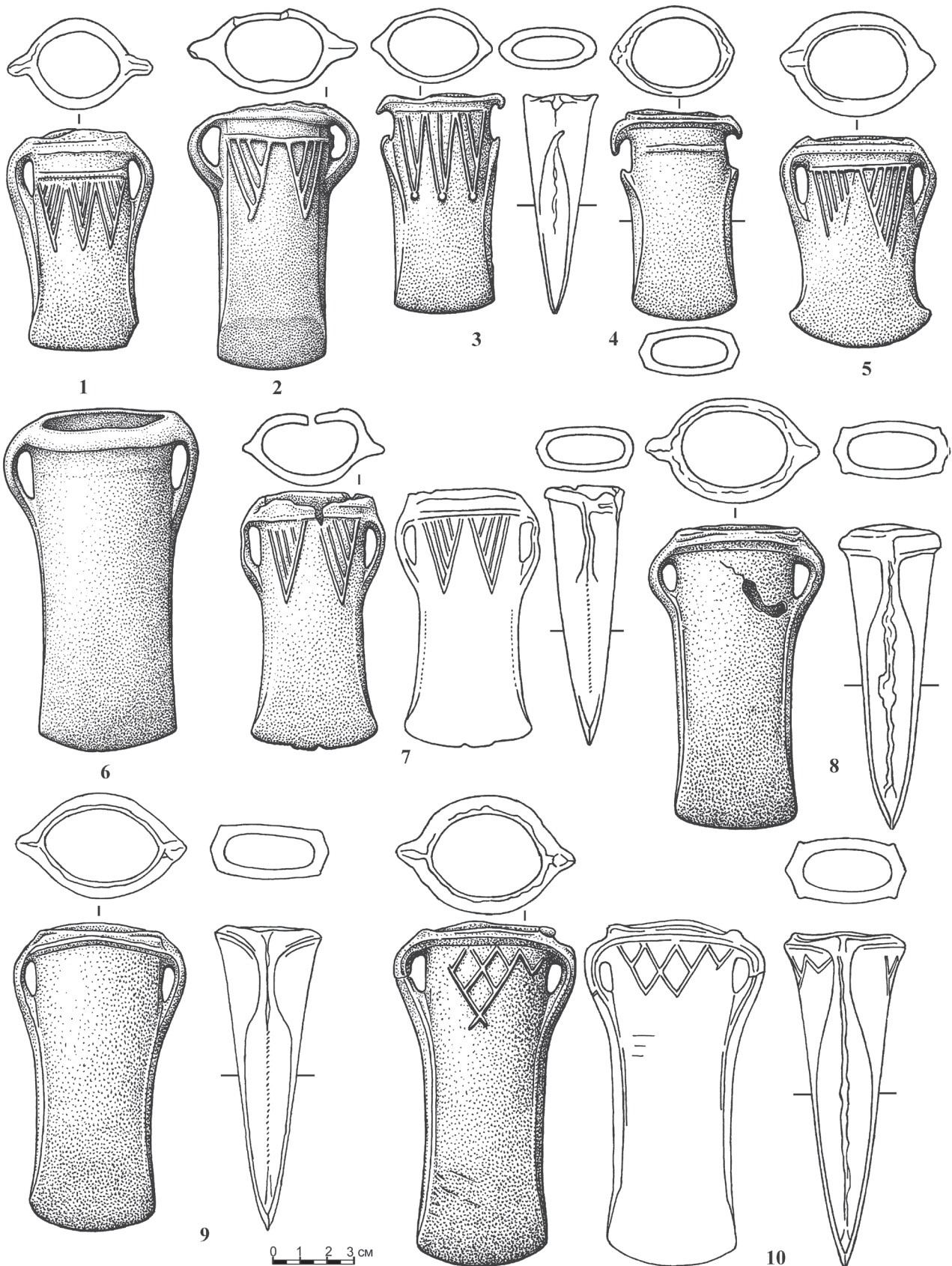

Рис. 7. Кельты двушковые: 1 – Ивановское; 2 – Каентубинская островная стоянка; 3 – Большое Фролово; 4 – Малые Болгояры; 5 – с. Черемшан; 6 – Лебединская VII, 7 – Девликеево; 8 – Болгары; 9 – Большие Кокузы; 10 – б. Казанская губерния.

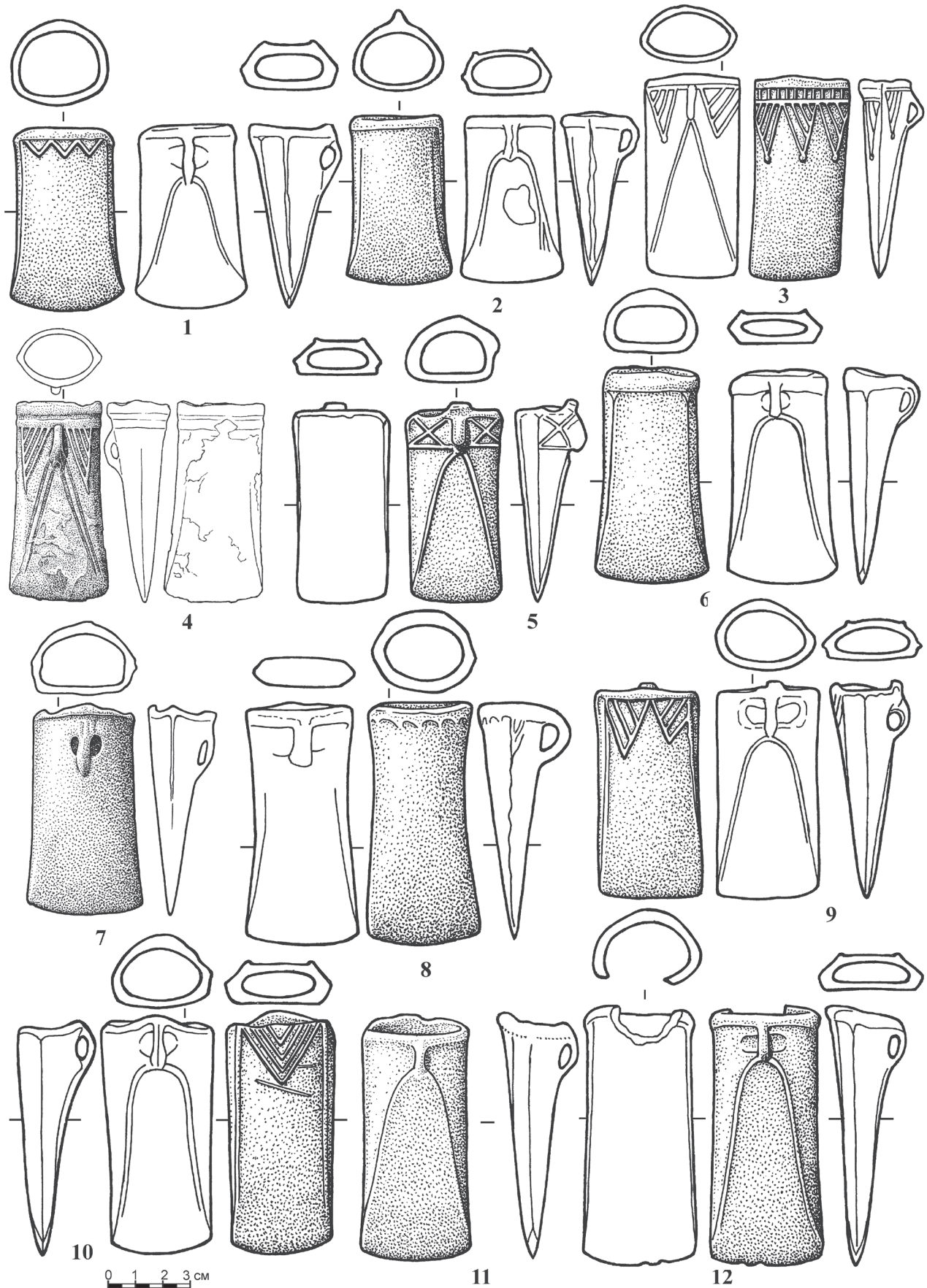

Рис. 8. Кельты с лобным ушком: 1 – Сюкеево; 2 – б. Лаишевский уезд Казанской губ.; 3 – Ананьино; 4 – Епанчино; 5 – Девликеево; 6 – Кузькинское III селище; 7 – Дубовая грива II стоянка; 8 – Забойное I поселение, жилище 5; 9 – Нижний Биябаш; 10 – Танайка; 11 – Лебединская VII стоянка; 12 – Турминское.

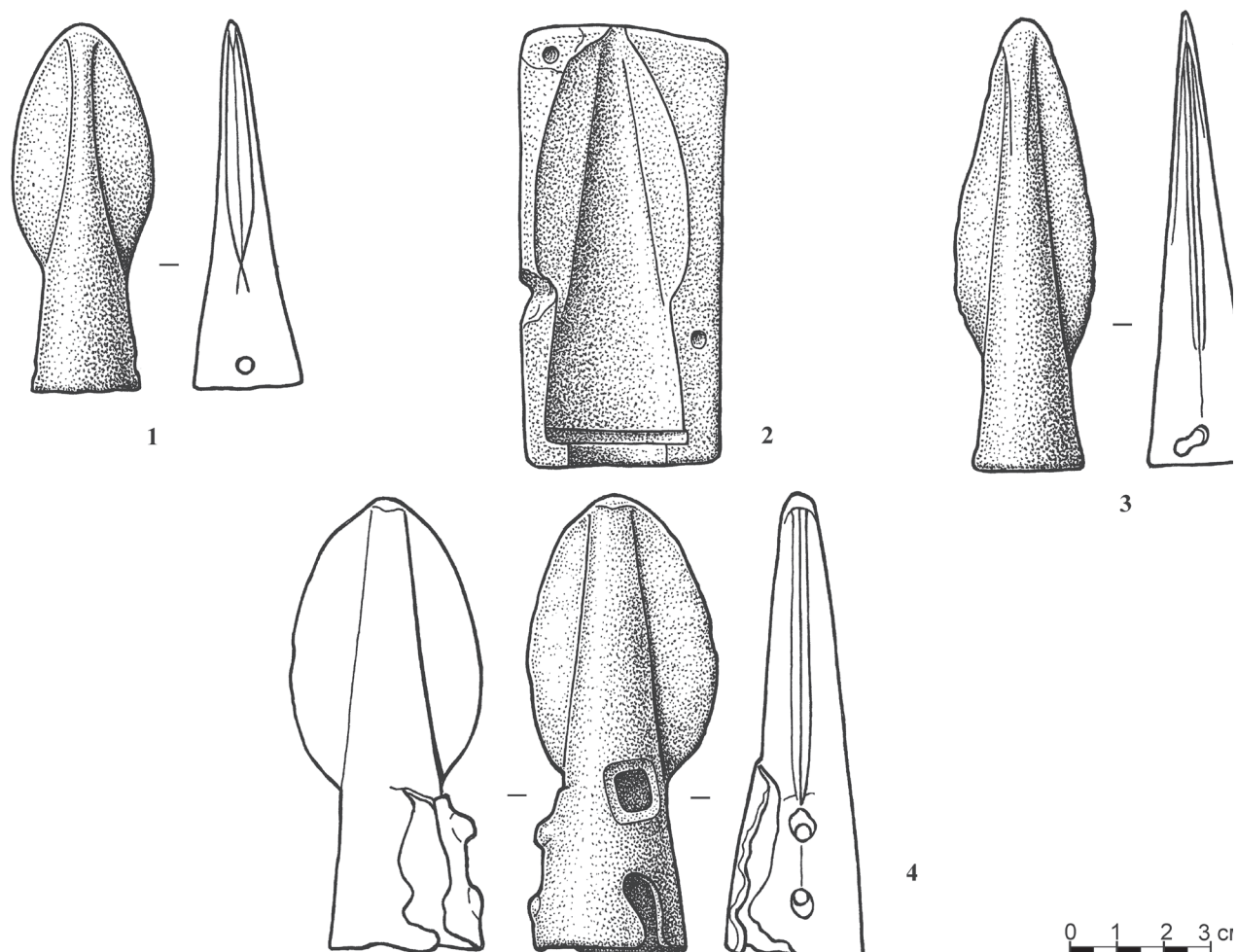

Рис. 9. Наконечники копий и литейная форма, тип I: 1 – Болгояры; 2 – Старый стекольный завод; 3 – б. Буинский уезд; 4 – Тат. Бурнашево. 1, 3, 4 – бронза; 2 – камень.

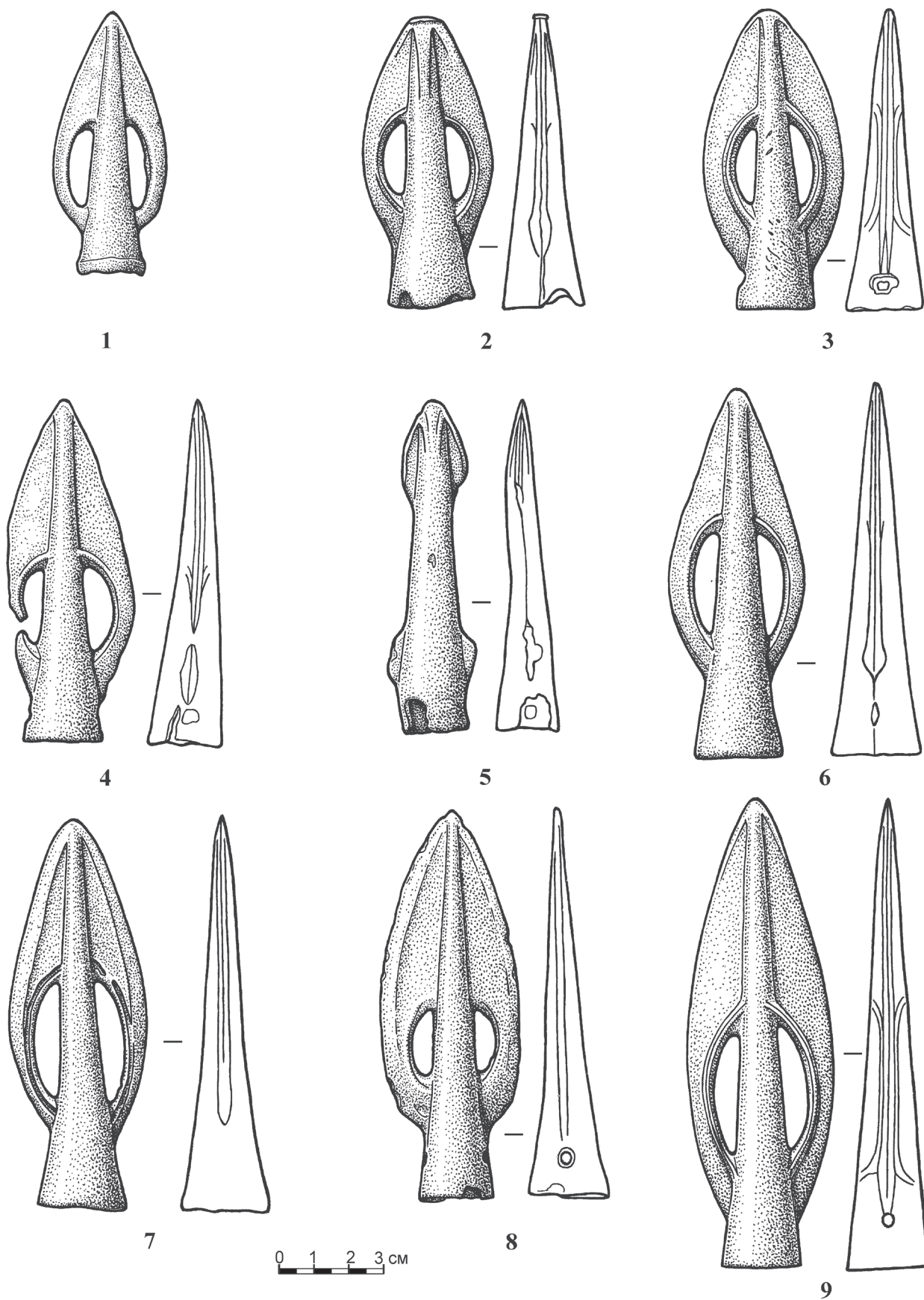

Рис. 10. Наконечники копий, тип II: 1 – Гулюковская III стоянка; 2 – Апастово; 3 – Малые Турми; 4 – Ломча, б. Тетюшский уезд; 5 – Байрамovo; 6 – б. Лаишевский уезд; 7 – левый берег р. Волга напротив с. Теньки; 8 – Холодный ключ; 9 – Старые Курбаши.

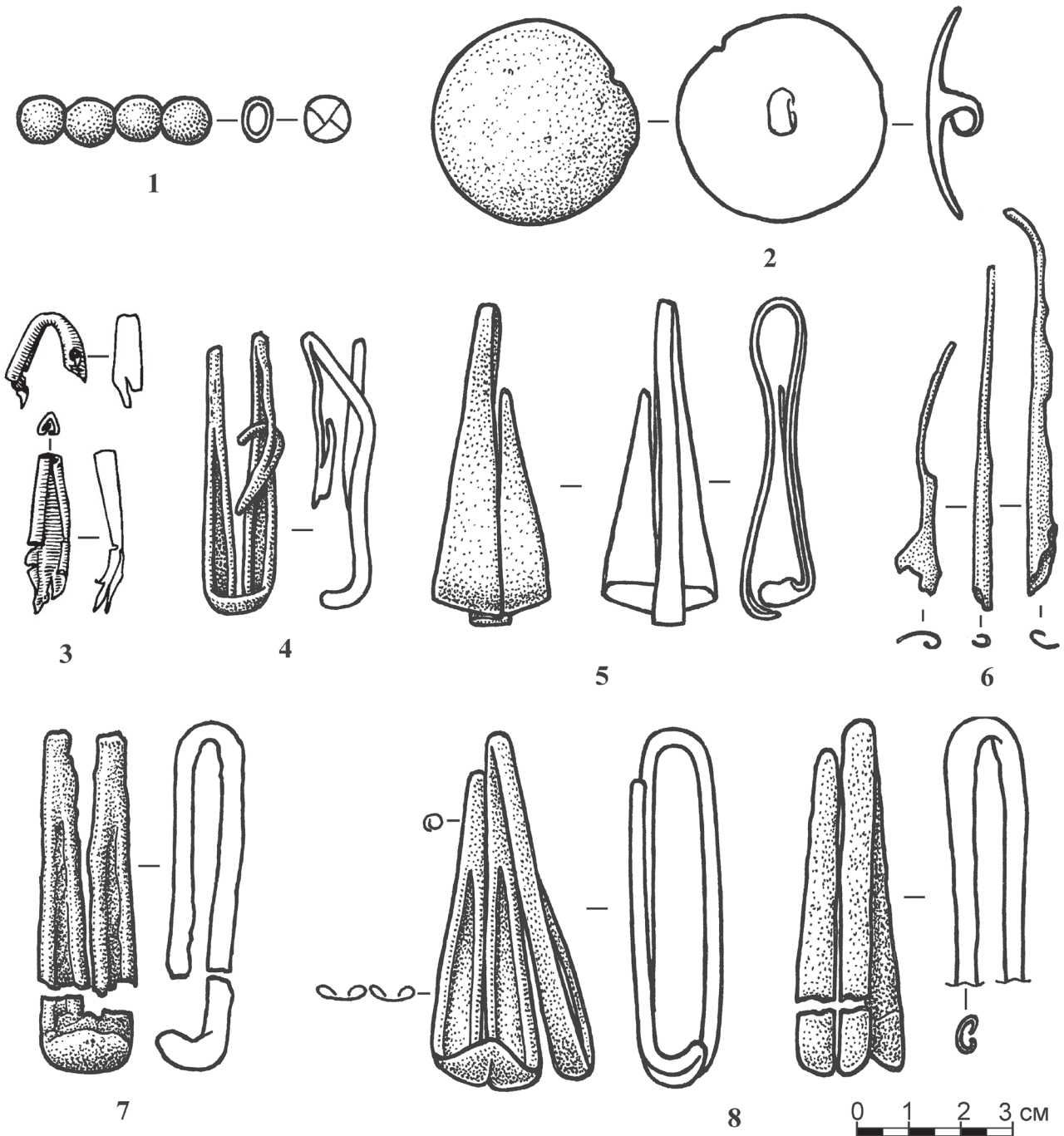

Рис. 11. Украшения раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры: 1 – бусы-обоймочки, погр. 1 Большеотарский I могильник; 2 – круглая бляха с петлей на обороте, погр. 1 Большеотарский I могильник; 3 – височная подвеска, погр. 1 могильник на Гулюковской III стоянке; 4 – височная подвеска, Каентубинская островная стоянка; 5 – височная подвеска, Заюрчимское I поселение; 6 – височная подвеска, погр. 10, Тураевский II могильник; 7 – височная подвеска, Карташихинская I стоянка; 8 – височные подвески, погр. 1 Большеотарский I могильник.

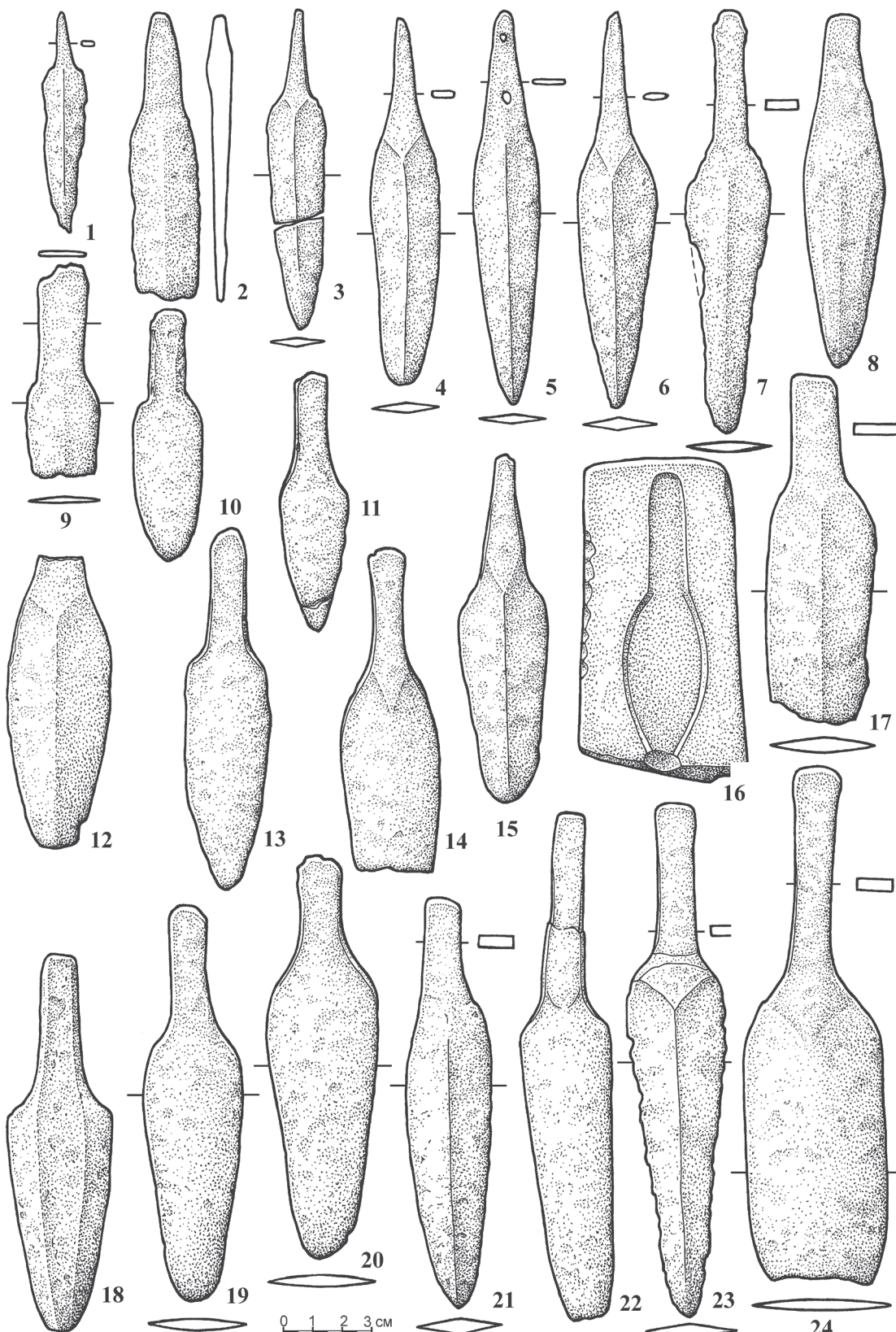

Рис. 12. Ножи раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры: 1 – Семеновский остров; 2 – Рождествено; 3 – Подгорное Тимяши (Янтиково); 4 – 6. Казанская губерния; 5 – Федяево; 6 – Лебединская XIII стоянка; 7 – Сентяки; 8 – Бакалда; 9 – Каентубинская островная стоянка; 10 – Гулькинская стоянка; 11 – Гулькинская стоянка; 12 – Усть-Брыска; 13 – происхождение неизвестно, по Tallgren, 1916; 14 – Семеновский остров; 15 – Алексеевск; 16 – Старый стекольный завод; 17 – погр. 1 Большеотарский I могильник; 18 – Гулькинская стоянка; 19 – Сорочьи горы; 20 – Ананьинская дюна; 21 – Косяково; 22 – Патрикеево; 23 – Шаябинская стоянка; 24 – разрушенное погребение на Лебединской VII стоянке.